

Сома каким-то образом ухитрился проглотить душераздирающие блюда этого фантастического мира, и у него возникло желание похвалить себя за то, что он показал отношение Японии к тому, чтобы не быть расточительным, что было бы высоко оценено в его предыдущем мире.

Хопкинс криво улыбнулся, глядя на удаляющуюся фигуру Сома, который шел к крытому фургону слегка нетвердой походкой, и сказал:

- Ну что ж, тогда я пойду в гильдию. Но как насчет вас, ребята?

Не очень желательно было брать с собой в гильдию неродственных людей с сильным чувством товарищества, и это не ограничивалось только гильдией торговцев. Тем более что Сома и Шаймуль вполне способны стать триггерами для того, чтобы вызвать катастрофу в городе. Если станет известно, что он взял таких людей в гильдию, это сильно повредит репутации организации.

Сам Хопкинс все еще мог бы объяснить это как нечто неизбежное из-за того, что его семья находилась в заложниках, но, как и ожидалось, он ни за что не захочет втягивать в это еще и торговую гильдию.

Почувствовав такие чувства в тоне Хопкинса, Сома немного задумался и сказал:

- Мы хотим немного осмотреть город, но не возражаешь ли ты?

- Эта крытая повозка очень важна для меня, поэтому, пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы не сломать ее.

«На самом деле я бы почувствовал облегчение, если бы они ждали в фургоне, но ничего не поделаешь».

Если они сделают что-то вроде разрушения крытого фургона, я возьму с них столько, сколько смогу», - твердо поклялся Хопкинс.

Однако Сома предложил нечто неожиданное.

- Мы с Шаймуль хотели бы прогуляться по городу пешком. Но разве это плохо, в конце концов?

- Это как? Что ты собираешься делать с этим фургоном?

- Разве тебе не будет приятно поехать на нем в гильдию, мистер Хопкинс?

Почему-то их разговоры не сходились.

Хопкинс немного помолчал, успокаивая свои чувства и сортируя то, что он хотел сказать. После этого, словно наставляя детей, которые медленно соображали, он сказал:

- Пожалуйста, слушайте внимательно. Та банка, которая была помещена в грузовой отсек фургона.

Это кувшин с военными средствами, которые они привезли из крепости.

- Вы определенно не сможете его нести, он слишком тяжелый. Даже без этого, вы же не хотите, чтобы это видели другие люди. Ходить по городу с таим грузом было бы опасно.

Поскольку он не знал, кто может подслушивать, Хопкинс держал это неопределенно, используя слова "эта банка", объясняя Соме, что город был более опасен, чем кажется.

Однако ответ Сомы на этот вопрос был просто возмутительным.

- Да. Вот почему мы должны оставить это тебе, мистер Хопкинс.

Из-за этого Хопкинс даже забыл о том, что его семья находится в заложниках, и, в конце концов, откровенно высказал то, что он думает.

- Ты что, совсем дурак?

Он никогда должным образом не проверял содержимое, но, по самым скромным подсчетам, внутри этого кувшина была тысяча агни (1000 серебряных монет = 100.000 динаров).

«Если это так много, я мог бы даже перестать торговать и открыть магазин в городе. Возможно, я даже смог бы прожить в столице целый год, развлекаясь и получая услуги от кучки рабов.

Что-то вроде жены и сына, взятых в заложники, в данный момент не имело значения. Есть огромное количество людей, которые с радостью продали бы свою жену и сына, если бы могли превратить их в такую большую сумму денег.

Доверить такую большую сумму кому-то другому было бы просто безумием.

Это верх глупости... величайшей глупости».

Однако без малейшего намека на то, чтобы рассердиться из-за оскорбительного замечания

Хопкинса, Сомы ответил совершенно равнодушно,

- Но если бы тебе так захотелось, ты бы уже давно поделился информацией о нас с солдатами, верно? Даже если бы я сейчас испытывал подобные опасения, это было бы бесполезно.

У Хопкинса отвисла челюсть.

«Я не сомневаюсь, что этот мальчик жил в месте, наполненном очень мягкосердечными людьми.

Он не мог поверить ничему, кроме того, что родился и вырос в таком месте, где посторонним людям естественно помогать и поддерживать друг друга, где нет необходимости опасаться, что люди могут быть убийцами и ворами, когда они просто приближаются к тебе, и где великое счастье не сомневаться в том, что другие люди - мошенники и попытаются ограбить тебя с улыбкой на лице».

Хопкинс уже собирался сказать ему, чтобы он оставил такие наивные мысли всеми оскорбительными словами, которые он мог собрать, но:

- Кроме того, мистер Хопкинс, если бы ты был бы плохим человеком, пытающимся украсть деньги, ты бы не сказал нам об этом прямо, верно?

Оскорбления, которые были на кончике его языка, превратились в беззвучный воздух, который вытек из его рта.

Почему-то ему стало стыдно за этот взгляд Сомы.

Хопкинс, который наконец-то не выдержал, подошел к фургону нарочито громкими шагами и крикнул сидевшей в нем Шаймуль:

- Да что с ним такое, с этим мальчишкой!? Неужели он прирожденный мошенник или что-то в этом роде!?

Шаймуль, которая готовилась убить время внутри фургона, ответила на вопрос Хопкинса после того, как некоторое время смотрела в пустое пространство.

- Хм, значит ли это, что он меня тогда обманул?